

Научная статья
УДК 81'1
DOI: 10.18384/2949-5075-2026-1-29-49

ПОЛИМОДАЛЬНЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В НАРРАТИВЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ИНОСТРАННОМ

Киосе М. И.^{1,2*}, Ржешевская А. А.¹, Потехин В. О.¹

¹ *Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация*

² *Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация*

* *Корреспондирующий автор, e-mail: maria_kiose@mail.ru*

Поступила в редакцию 14.01.2026

После доработки 23.01.2026

Принята к публикации 28.01.2026

Аннотация

Цель. Установить особенности реализации полимодальных дискурсивных практик в нарративе на русском языке как иностранном с учётом уровня языковой компетенции говорящих (B1/B2 и C1/C2).

Процедура и методы. Основной метод анализа – полимодальный эксперимент, в рамках которого изучалось речевое и мануально-жестовое поведение студентов программы подготовки по русскому языку как иностранному в ходе пересказа ими текстов с нарративной структурой. Также используются методы параметрического анализа локальной структуры дискурса в речи и функциональных жестов.

Результаты. Установлены особенности реализации полимодальных дискурсивных практик на неродном языке: отношений локальной структуры дискурса в речи, распределения функциональных типов жестов, а также паттерны совместной реализации речи и жестов. Так, определено, что основные различия в использовании отношений в речи связаны с распределением отношений Согласия, Хезитаций, Объединения (превалируют в B1/B2) и Метадискурсива, Развития темы (превалируют в C1/C2). Анализ использования жестов с данными отношениями показал, что для преодоления повышенной когнитивной нагрузки при конструировании дискурса на иностранном языке часто используются репрезентирующие и прагматические жесты репрезентации компонента дискурса, что обусловлено их компенсаторной функцией в процессе конструирования ситуации.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование вносит вклад в развитие теорий полимодального конструирования нарративного дискурса на иностранном языке. Прикладная значимость работы заключается в возможности применения её результатов в лингводидактике и исследованиях РКИ.

Ключевые слова: дискурсивные практики, жесты, локальная структура дискурса, нарратив, неродной язык, полимодальный эксперимент, речь, русский как иностранный

Благодарности и источники финансирования. Исследование выполняется в МГЛУ в рамках проекта РНФ № 25-28-03401 «Оценка социокогнитивной адаптации инофона по его полимодальному поведению в разных типах дискурса».

Для цитирования:

Киосе М. И., Ржешевская А. А., Потехин В. О. Полимодальные дискурсивные практики в нарративе на русском языке как иностранном // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 1. С. 29–49. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-29-49>

Original research article

MULTIMODAL DISCURSIVE PRACTICES IN NARRATIVE DISCOURSE PRODUCTION IN A NON-NATIVE LANGUAGE

M. Kiose^{1,2*}, A. Rzhesheskaya¹, V. Potekhin¹

¹ *Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation*

² *Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

* *Corresponding author, e-mail: maria_kiose@mail.ru*

Received by the editorial office 14.01.2026

Revised by the author 23.01.2026

Accepted for publication 28.01.2026

Abstract

Aim. The study identifies the characteristics of multimodal discursive practices in Russian as a foreign language mediated by the level of language competence (B1/B2 vs. C1/C2)

Methodology. The primary method of analysis was a polymodal experiment, which explores verbal and kinetic (manual) behavior of Russian language learners in their recalls of narrative texts. Additionally, the study exploits parametric analysis of local discourse structure and functional gestures.

Results. The study identifies characteristics of multimodal discursive practices in a non-native language, including: the manifestation of local discourse structure relations in speech, the distribution of functional gesture types, as well as the patterns of speech and gesture co-occurrence. The findings reveal that the primary differences in the use of discourse relations in speech pertain to the distribution of Relations of Agreement, Hesitation, and Joint (typical of the B1/B2 group) as opposed to Metadiscursive Relations and Elaboration (typical of the C1/C2 group). Furthermore, the analysis of gesture use accompanying these relations indicates that in order to manage the increased cognitive load during discourse production in a foreign language, speakers frequently employ representational and pragmatic gestures as illustrating discourse-related properties, which attests to their compensatory function in discourse construal.

Research implications. The research contributes to further development of multimodal frameworks exploring narrative discourse construal in a foreign language. Its results are applicable in teaching methodology and in the area of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: discursive practices, gestures, local discourse structure, narrative, foreign language, multimodal experiment, speech, Russian as a foreign language

Acknowledgements: This research is carried out in Moscow State Linguistic University and is supported by RSF grant No. 25-28-03401 “Assessment of foreigners’ sociocognitive adaptation via their multimodal behavior in different discourse types”.

For citation:

Kiose, M. I., Rzhesheskaya, A. A. & Potekhin, V. O. (2026). Multimodal discursive practices in narrative discourse production in a non-native language. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, pp.29–49. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-29-49>

Введение

Проблема конструирования дискурса на неродном языке является актуальной не только для дискурсологии, одним из направлений которой является изучение дискурсивных практик, но и для сферы анализа этнической идентичности [1]. На настоящий момент получены данные, описывающие формирование навыков в использовании фонетико-фонологических, лексических, грамматических явлений на изучаемом языке, но знания о том, как формируются навыки конструирования дискурса, являются ограниченными и в большей степени связаны с использованием союзов и дискурсивных маркеров [2], а не самих дискурсивных практик. Основная причина этого – их слабая изученность в ходе экспериментального анализа, который позволяет судить об особенностях локальной структуры дискурса в совокупности дискурсивных отношений: нарративных, коммуникативных, риторических и отношений, описывающих речевые сбои [3; 4]. Данное исследование решает эту проблему в отношении нарративного типа дискурса, одного из наиболее значимых для конструирования событий и ситуаций; при этом предлагается комплексное решение, учитывающее полимодальный характер этих практик, а именно их реализацию не только в речи, но и в жестах говорящего. Вторая причина слабой изученности дискурсивных практик заключается в необходимости сопоставительного анализа речевых и жестовых манифестаций говорящих с разным уровнем сформированности языковой компетенции. Для решения этой задачи в работе привлекаются данные полимодального поведения двух групп говорящих, с языковой компетенцией на уровне B1/B2 и C1/C2.

Таким образом, исследование нацелено на установление паттернов речи и жестов, участвующих в конструировании локальной структуры дискурса, с учётом варьирования уровня языковой компе-

тенции инофонов, изучающих русский язык как иностранный. Для формирования корпуса речи и мануальных жестов инофонов проводится полимодальный эксперимент с записью пересказов нарративов, сделанных иностранными студентами на русском языке, неродном для них. Предположительно, существуют некоторые константы в паттернах речи и жестов в дискурсивных практиках нарратива студентов РКИ с разным уровнем языковой компетенции, свидетельствующих об устойчивой роли некоторых типов отношений в дискурсе. В то же время наблюдается и специфика их использования, обусловленная ростом когнитивной нагрузки у студентов с более низким уровнем языковой компетенции при продуцировании дискурса.

Методология исследования

На настоящий момент экспериментальные исследования, изучающие особенности конструирования дискурса на иностранном языке, чаще всего ограничиваются систематизацией союзов, состав которых позволяет говорить о распределении риторических отношений [3; 4], или отношений между компонентами дискурса, описывающих объекты, явления, действия. Так, в работе М. Ветцель, С. Зуффрей и П. Гигахс [2] на материале разных языков показано, что союзы (и, соответственно, риторические отношения) представляют определённую сложность как для восприятия, так и для продуцирования речи инофонами, что свидетельствует о росте когнитивной нагрузки при конструировании дискурса, несмотря на определённую универсальность риторических отношений. При этом в ряде работ отмечается, что в использовании этих отношений может наблюдаться специфика, связанная с различиями в типологической структуре родного и иностранного языков. В Ж.П. Кёнинга и Юнкен И [5] на материале носителей корейского языка, изучающих английский, показано, что

грамматический строй корейского языка предопределяет употребление в речи типов отношений Причина и Результат, в то время как для носителей английского языка более характерно употребление в речи типов отношений Причина и Следствие. Однако значительно чаще в исследованиях отмечается влияние уровня языковой компетенции на реализацию этих отношений. Например, в работе [2] на материале эксперимента, тестирующего особенности речи на французском языке как иностранном, установлено, что даже на продвинутом уровне владения языком студенты реже, чем носители, используют союзы уступки, следствия, контраста, причины, что свидетельствует о менее «естественном» использовании в дискурсе соответствующих типов риторических отношений. Представляется важным, что помимо риторических отношений, исследователи указывают на значимость иных типов отношений локальной структуры дискурса как определяющих его специфику в речи инофона. Так, показателем более низкого уровня языковой компетенции может быть использование отношений, описывающих речевые сбои, например, отношения Хезитации, в то время как отношения Самоисправления, напротив, более характерны для говорящих на более продвинутом уровне [6].

В связи с этим в данном исследовании принято решение опираться на разные отношения, описывающие локальную структуру дискурса при анализе дискурсивных практик, или коммуникативно-семиотических способов реализации отношений локальной структуры дискурса. В работах О. А. Литвиненко, А. А. Кибрика и В. И. Подлесской [3; 4] локальная структура дискурса строится на определённых типах отношений элементарных дискурсивных единиц, которые включают в себя коммуникативные, нарративные, риторические и отношения, описывающие речевые сбои. В частности, коммуникативные отношения включают

Вопрос, Согласие, Экспрессив и демонстрируют обращённость говорящего к адресату высказывания. Нарративные отношения характеризуют структуру высказывания и включают в себя Начало, Сеттинг, Коду. К типу отношений речевые сбои относятся Хезитация, Повтор, Самоисправление. К риторическим относятся типы отношения Объединение, Контраст, Дизъюнкция, а также Развитие темы, Интерпретация, Оценка, Реформулирование, Антитеза, Последовательность и др.

Важно отметить, что проявления этих отношений могут обнаруживаться не только в речи говорящих, но и в их жестовом поведении, поэтому дискурсивные практики являются полимодальными. Так, предложенная Д. МакНиллом теория о точках роста [7] определила дальнейший подход к экспериментальной проверке гипотез, которые исследователи ранее выдвигали без серьёзных эмпирических оснований, а именно о взаимосвязи между языковой компетенцией и сенсомоторикой, которая может проявляться и в совместной реализации в речи и в жестах отношений локальной структуры дискурса. В развитие этого направления С. Голдин-Мидо [8] экспериментально доказала, что у детей, в отличие от взрослых носителей языка, процессы речепорождения и речевосприятия не образуют единой системы с жестикуляцией и развиваются автономно. Данное положение приобретает особую значимость в контексте обзора доступной научной литературы, поскольку фокус нашего исследования смещён на взрослую выборку инофонов, для которой характерна принципиально иная – интегрированная – организация вербальных и жестовых компонентов коммуникации. Считаю важным отметить, что большинство известных полимодальной науке исследований взаимосвязи речи и жеста в условиях коммуникации на иностранном языке выполнены преимущественно в парадигме лингводидактики, оставляя

без должного внимания дискурсивный аспект. Кроме того, наблюдается существенный исследовательский «перекос» в сторону изучения иконических жестов, реже – указательных (дейктических) жестов [9]. Нельзя также не отметить, что подобного рода исследования в меньшей степени отвечают принципу экологии, поскольку дизайн проводимых экспериментов не позволяет анализировать коммуникативное поведение испытуемого в актуальных для него условиях среды. В частности, в качестве стимульного материала часто привлекаются искусственно созданные языки, как, например, язык *Vimmi* (вимми). В работе М. Македония, К. Мюллер, А. Д. Фридеричи [10] с участием студентов-носителей немецкого языка ($M_{age}=23,44$) на материале существительных, взятых из корпуса искусственного языка *вимми*, постулируется ведущая роль иконических (репрезентирующих) жестов как способствующих более эффективному запоминанию (а в последующем – извлечению из оперативной памяти) иноязычных лексических единиц. Полученные результаты дополняются в экспериментальном исследовании А. Б. Гарсия-Гамез и П. Мазисо [11], в котором изучался потенциал репрезентирующих жестов в функции разыгрывания сцены (*enactment*) как способствующих конструированию последовательности действий. Вклад иных типов жестов в процесс общения на иностранном языке оценивается лишь в единичных исследованиях. В частности, работы О. К. Ирисхановой и А. Ченки [12; 13] обращаются к изучению случаев координации прагматического жеста и жеста-адаптера (самоадаптера) с речевым сбоем в ситуации синхронного перевода с русского на английский и с русского на немецкий. Очевидна высокая востребованность применения предложенного исследователями подхода в профессиональных целях для оценки уровня когнитивной нагрузки на билингва, а также его когнитивного резерва [14]. Менее

исследованным при этом остаётся полимодальное поведение инофона в ситуации общения, максимально приближенной к естественным средовым условиям и, следовательно, отличающейся высокой степенью дискурсивной гибридности. Так, в работе М. И. Киосе, А. А. Ржешевской и А. А. Петрова [6] были установлены различия в использовании репрезентирующих жестов, которые использовались более активно инофонами с более высоким уровнем языковой компетенции, что свидетельствует о важных эффектах воплощённости объектов и действий в жестовом поведении говорящих. Для установления полимодальных дискурсивных практик в неродном языке при реализации отношений локальной структуры дискурса мы будем опираться на типологии жестов с ориентировкой на их функции в дискурсе, выделяя вслед за О. К. Ирисхановой и А. Ченки [12; 13] следующие группы жестов: дейктические, репрезентирующие, прагматические и адаптеры с последующей детализацией их микрофункций. Как показано в ряде исследований [15; 16], их распределение оказывается специфическим для разных типов дискурса.

Дизайн эксперимента и процедура анализа

Для анализа полимодальных дискурсивных практик говорящих было принято решение взять в качестве стимульных текстов нарративы, которые будут прочитаны и пересказаны инофонами. Это обусловлено возможностью на материале пересказов нарратива подвергать изучению большое количество типов отношений для конструирования ситуации с учётом таких критериев нарратива, как его релевантность, непредсказуемость, консеквентность, необратимость, неповторяемость [17]. Так, мы ожидаем использование собственно нарративных отношений, что связано со структурными особенностями нарративного дискурса, а

именно, с присутствием таких компонентов, как резюме, ориентация, осложнение, оценка, развязка и кода [18]. Также усложнение коммуникативной структуры при пересказе нарративов может быть связано с компонентным составом самой дискурсивной ситуации, включающей адресата, повествователя, сюжет, событие, тему, мотив, художественный концепт и иные компоненты [17]. Пересказы нарратива, по сути, представляют собой нарратив в нарративе – нарратив автора в нарративе пересказчика, что определённо делает локальную структуру такого дискурса пересказа более комплексной.

Материалом анализа стали записанные авторами работы 40 устных пересказов двух одностраничных нарративных текстов, полученных от 20 студентов (средний возраст – 22 года, 13 девушек и 7 юношей, с родными языками стран СНГ – таджикским, киргизским, и дальнего зарубежья – китайским, вьетнамским, итальянским, монгольским, т. е. с языками разных типологических групп и языковых семей), изучающих русский язык как иностранный. В связи с тем, что анализу подвергаются отношения локальной структуры дискурса, являющиеся универсальными, родной язык говорящих не играет существенной роли; значение имеет уровень владения русским языком как иностранным. С учётом уровня обучения были привлечены по 10 студентов из языковых групп уровней В1/В2 (ТРКИ-I и ТРКИ-II) и С1/С2 (ТРКИ-III и ТРКИ-IV). Тексты были предъявлены инофонам на экране компьютера, время прочтения ограничивалось и было одинаковым для всех участников эксперимента. Сразу после прочтения каждого текста участники отворачивались от экрана компьютера к заинтересованному слушателю и по его просьбе передать как можно более детально содержание прочитанного пересказывали текст. Для обеспечения качественной записи голоса речь говорящих была записана с использованием микрофонной системы RØDE

Wireless GO II, расшифровка проведена с применением программы Speech2Text и далее скорректирована вручную в связи с тем, что программа расшифровки значительно искажает речь, исправляя ошибки в грамматической структуре высказывания, в некоторых случаях корректируя выбор слов, удаляя хезитации и некоторые дискурсивные маркеры. Далее с опорой на семантико-синтаксический принцип и с привлечением коммуникативно-просодического подхода к сегментации речи на элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ) [19], проведена разбивка речи на ЭДЕ. Аннотирование речи и жестов проведено в корпус-менеджере ELAN, где были размечены типы отношений локальной структуры дискурса, а также мануальные жесты с учётом их функций (см. рис. 1).

При разметке были созданы отдельные слои для 1) произведённой речи (Subtitle-Tier), 2) речи, сегментированной на ЭДЕ (Speech EDU), 3) отношений локальной структуры дискурса (Relations), 4) функциональных жестов (Gestures). Для аннотирования жестов использовалась кодовая разметка [15]: дейктические жесты кодировались как 2101-2103, репрезентирующие – как 2201-2205, прагматические – как 2301-2307, адаптеры – как 2401-2402. Так, в выделенном фрагменте используется прагматический жест репрезентации компонента дискурса 2302 (выдвижение руки или рук вперёд с характерной формой ладони, как бы показывая или протягивая что-то реальному или воображаемому собеседнику), который сопровождает произнесение ЭДЕ *он а...обошёл в саду*, реализующей риторическое отношение Объединения и отношение Хезитации из группы речевых сбоев.

Разметка локальной структуры речи говорящих осуществлена двумя кодировщиками и прошла перепроверку на материале 4 записей с применением каппы Коэна (средние показатели составили 0.85, что свидетельствует о высоком

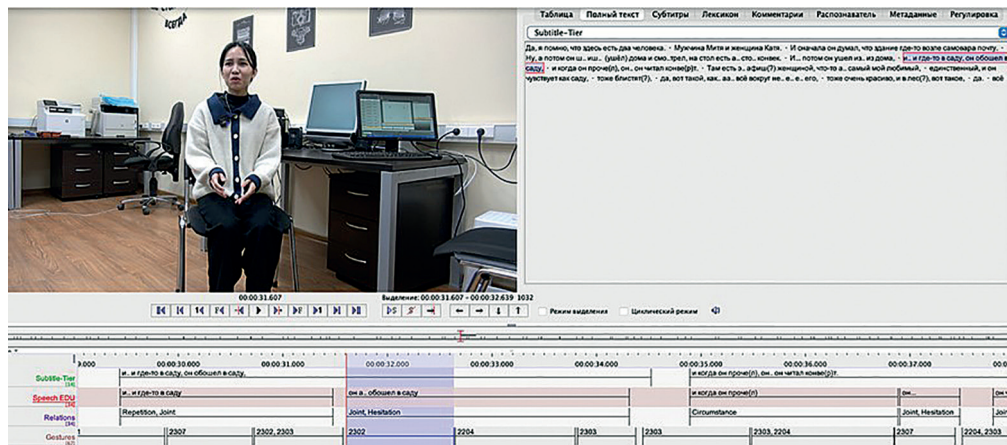

Рис. 1 / Fig. 1. Разметка отношений локальной структуры дискурса в речи и в жестах / Local discourse structure annotation in speech and gesture

Источник: из личного архива авторов

уровне согласованности разметчиков). Аннотирование функциональных жестов проведено тремя кодировщиками, данные прошли перепроверку на материале 5 записей; были установлены единичные различия в разметке, в большей степени связанные с детализацией микрофункций прагматических жестов (жесты структурирования дискурса, эмфатические жесты, жесты репрезентации компонента дискурса, жесты поиска слова). Было принято решение помимо установления частных микрофункций жестов рассматривать их варьирование в группах (дейктические, репрезентирующие, прагматические и адаптеры). В связи с тем, что анализу подвергается распределение речи и жестов в двух группах говорящих – V1/V2 (ТРКИ-I и ТРКИ-II) и C1/C2 (ТРКИ-III и ТРКИ-IV), установление частотности отношений в полимодальных дискурсивных практиках проведено отдельно в группах.

Результаты и обсуждение

Представим результаты, описывающие особенности реализации отношений локальной структуры дискурса в речи. При анализе структуры пересказов мы опирались на четыре типа отношений с

их дальнейшей детализацией. Рассмотрим два примера пересказа одного и того же стимульного нарратива, сделанных говорящими из группы V1/V2 и C1/C2.

Пересказ в группе V1/V2 начинается с отношения Хезитации (1), за которым следует нарративное отношение Сеттинг (2); в группе C1/C2 первая ЭДЕ (1) является Сеттингом. В обоих случаях отсутствует завершающее отношение Кода. В пересказе в группе V1/V2 встречаем множественные риторические отношения Объединения (5, 6, 8, 9, 10, 13, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 27, 30, 32, 33, 34); хотя этот тип отношения в целом является самым частотным и в группе C1/C2, он встречается реже (4, 6, 9, 11, 13, 16, 17, 18, 20, 23, 26, 27, 28). Состав используемых риторических отношений шире у говорящего в группе C1/C2: это Развитие темы в (2, 3, 7, 8, др.), Обстоятельство в (5) в *когда*, Интерпретация (7) в *долгожданно*, Контраст в (10, 21) в *но*, Переформулирование в (11) в *бродил / ходил*, Цель в (14, 15, 22) в *чтобы*, Уступка в (19) в *хотя*, Оценка в (23, 24) в *любимый, единственный*. У говорящего в группе V1/V2 состав риторических отношений меньше, однако присутствуют дополнительные, отсутствующие у говорящего из группы C1/C2,

Таблица 1 / Table 1

Примеры реализации отношений локальной структуры дискурса в речи / Speech samples demonstrating manifestations of local discourse structure

Пример пересказа в группе В1/В2		Пример пересказа в группе С1/С2	
1	<i>аа...</i>	1	<i>в тексте рассказывал</i>
2	<i>этот текст о том</i>	2	<i>как один парень по имени Митя ждал письмо от своей любимой и...</i>
3	<i>что...</i>	3	<i>по имени Катя</i>
4	<i>аа...</i>	4	<i>вот в один день</i>
5	<i>один молодой человек получил письмо</i>	5	<i>когда Митя подходил к самовару</i>
6	<i>по-моему от.. любимого...</i>	6	<i>он увидел почту</i>
7	<i>а нет!</i>	7	<i>которую он очень долгожданно ждал от своей любимой</i>
8	<i>любимой девушки по-моему</i>	8	<i>которая очень редко ему отвечала</i>
9	<i>я так понял</i>	9	<i>и вот он очень хотел открыть</i>
10	<i>э... это письмо было очень краткое</i>	10	<i>но он хо... бродил пока что</i>
11	<i>а... но он очень много раз перечитал</i>	11	<i>ходил отдалека</i>
12	<i>и...</i>	12	<i>где</i>
13	<i>там написано было</i>	13	<i>думаю что</i>
14	<i>что...</i>	14	<i>чтобы побыть одним</i>
15	<i>ааа...</i>	15	<i>чтобы его с... чтобы его никто не прочитал</i>
16	<i>четко не помню</i>	16	<i>он его прочитал</i>
17	<i>но..</i>	17	<i>вот в саду я по-моему помню так прошел</i>
18	<i>ты мой любимый</i>	18	<i>и вот он быстро открыл конверт</i>
19	<i>хороший единственный</i>	19	<i>и хотя он</i>
20	<i>так написано было</i>	20	<i>этот ... это письмо было кратким</i>
21	<i>и он очень много раз прочит.. а.. читал</i>	21	<i>но он перечитывал его... его пять раз</i>
22	<i>читал-читал</i>	22	<i>чтобы и ему... на... очень более так прикоснулось к сердцу</i>
23	<i>и...</i>	23	<i>это мой любимый</i>
24	<i>ему было очень хорошо</i>	24	<i>мой единственный</i>
25	<i>очень замечательно</i>	25	<i>как Катя ему в письме написала</i>
26	<i>и... и...</i>	26	<i>он возвращался домой</i>
27	<i>он был рад</i>	27	<i>на... наслаждался всему окружающему</i>
28	<i>и он...</i>	28	<i>и ждал следующие письма от Кати</i>
29	<i>а...</i>		
30	<i>пошел домой очень медленно</i>		
31	<i>и аа...</i>		
32	<i>погода тоже была очень хор-о-ошая</i>		
33	<i>да</i>		
34	<i>ему... ему было приятно получить вот это письмо</i>		

это Экспрессив в (7) в *нет!*, Источник в (13) в *там написано*. Обнаруживаем и коммуникативные отношения Метадискурсива в (6, 8) в *по-моему*, Согласия в (33) в *да*. Очень частыми оказываются речевые сбои: это Хезитация в (1, 3, 4, 6, 10, др.), у говорящего из группы С1/С2 Хезитации встречены в меньшем количестве в (2, 27).

Далее приведём результаты распределения отношений локальной структуры дискурса в пересказах в двух группах инофонов (см. рис. 2).

Как показывают результаты, наблюдается выраженное сходство в распределении двух типов нарративных отношений – Начала и Коды, коммуникативных отношений Комментария, Вопроса и Экс-

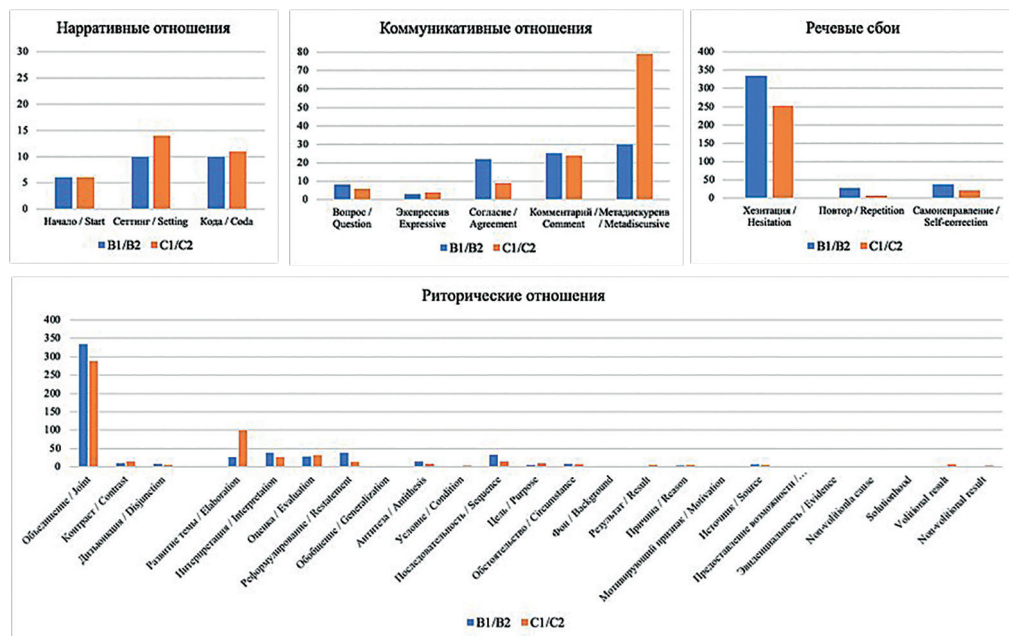

Рис. 2 / Fig. 2. Распределение отношений локальной структуры дискурса / Local discourse structure relations

Источник: подготовлено авторами

прессива. Некоторое различие обнаружено в использовании отношений Сеттинга (превалирует в C1/C2), но оно выражено в меньшей степени, чем в дескриптиве [6], что указывает на дискурсивную обусловленность такого распределения. При этом различия в группах наблюдаются в использовании коммуникативных отношений Согласия (превалирует в B1/B2) и Метадискурсива (превалирует в C1/C2); отметим, что полученные результаты согласуются с теми, которые были установлены в ходе анализа иного типа дискурса, дескриптива, в тех же группах инофонов [6]. Результаты также подтверждают важность замечаний, сделанных в [2; 5], об особенностях распределения речевых маркеров с разными дискурсивными функциями в речи инофонов; однако показывают, что эти функции распределены по-разному в двух группах. В использовании речевых сбоев установлены различия в количестве Хезитаций, что подтверждает важность исследования данной группы отношений, выделенных

в [3], для идентификации специфических особенностей в конструировании дискурса инофонами с разным уровнем языковой компетенции. Основные различия в использовании риторических отношений обнаружены в распределении Объединения (превалирует в группе B1/B2) и Развития темы (превалирует в группе C1/C2). Такое распределение было получено и в пересказах дескриптива [6].

Далее рассмотрим распределение жестов: отдельно и в сопровождении ЭДЕ.

Всего анализу было подвергнуто 964 случая совместного использования мандуального жеста с речью, из них реализовано: 615 – инофонами, владеющими русским языком на уровне B1/B2; 349 – инофонами, владеющими русским языком на уровне C1/C2. Общее количество жестовых манифестаций в обеих группах, рассчитанных с учётом их функционального типа (дейктические, репрезентирующие, прагматические, адаптеры), представлено в абсолютных и относительных единицах в сводной таблице (см. табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Общие показатели жестовой активности / Gesture distribution

Тип жеста	Группа	Группа В1/В2	Группа С1/С2
Дейктический		34 (6%)	33 (10%)
Репрезентирующий		107 (17%)	70 (20%)
Прагматический		245 (40%)	147 (42%)
Адаптер		229 (37%)	99 (28%)

Данные дескриптивной статистики указывают на преобладание в жестовом поведении инофонов прагматических жестов и жестов-адаптеров: в частности, на долю прагматических жестов приходится почти 40% всей жестовой активности в обеих группах испытуемых, на долю жестов-адаптеров – 37% и 28% в группах В1/В2 и С1/С2, соответственно. Использование прагматических жестов в монологической спонтанной речи может быть связано с управлением структурой дискурса, а также отражать сам процесс его порождения, усиливая перспективу дискурса пересказчика. Также обращаем внимание на частотность жестов-адаптеров, составляющих почти треть всей жестовой активности в обеих группах инофонов, что, очевидно, указывает на повышенную когнитивную нагрузку в условиях коммуникации на неродном языке и на необходимость адаптации в иноязычной среде для сохранения контроля над речепорождением. При этом в случае высокого уровня владения иностранным языком (группа С1/С2) наблюдается ожидаемое ослабление сознательного контроля за качеством речи. Предположительно, инофоны из этой группы используют адаптеры исключительно в моменты локальных коммуникативных затруднений ввиду того, что их речевой контроль более автоматизирован. Отметим также долю иконической репрезентации посредством репрезентирующих жестов в полимодальном поведении инофонов – она составляет 17% от всей жестовой активности в группе В1/В2 и 20% в группе

С1/С2. В целом, существенное сокращение количества жестовых манифестаций в группе С1/С2 (почти вдвое), предположительно, связано с большей автоматизированностью речевых процессов, в результате чего уменьшается потребность в привлечении мануального канала для структурирования речи и компенсации лексико-грамматических трудностей. Результаты аналитической статистики (с применением χ^2 -критерия) свидетельствуют о том, что различия в использовании дейктических жестов и адаптеров являются значимыми (по дейктическим жестам $\chi^2=5.31$, $p=0.022$; для адаптеров $\chi^2=7.8$, $p=0.006$); по репрезентирующим и прагматическим жестам различия не являются значимыми ($p>0.05$).

При этом обратим внимание на в целом сходное относительное распределение частотности жестов в поведении инофонов двух групп, особенно в использовании прагматических жестов. Отметим, однако, что превалирование прагматических жестов наблюдается и в полимодальном поведении носителей языка в разных типах дискурса, например, в экспозитиве [15] или в гибридных дискурсивных форматах [16]. Так, в [16] относительное процентное распределение четырех групп жестов в речи носителя (гибридный формат дискурса) составляло 18% / 38% / 40% / 4%. Определяется выраженное снижение количества адаптеров, увеличение количества репрезентирующих и дейктических жестов. В [15] полученное распределение четырех типов жестов в речи носителей состави-

ло 7% / 14% / 29% / 50%, однако оно было получено в экспозиторном дискурсе. В данном случае, напротив, обнаруживается выраженное увеличение количества адаптеров; при этом без их учёта самими представленными вновь оказываются прагматические жесты.

Обратимся к детализированным данным мануальной жестикуляции инофонов. Количественные показатели жестовой активности, рассчитанные отдельно для каждой группы испытуемых с учётом микрофункций типа жеста, представлены в табл. 3.

Анализ данных жестовой активности инофонов группы В1/В2 с учётом микро-

функции жеста существенно повышает качество интерпретации полученных результатов, в том числе в их сопоставлении с обнаруженными закономерностями в других работах. Так, постулируемая в работе Ли Ма, Г. Мартохарджоно, У. Мак-Клюра [20] взаимосвязь между иконической репрезентацией и использованием дискурс-структурирующих слов не находит поддержки в нашем исследовании. Полученные данные (см. табл. 3) показывают, что репрезентирующие жесты, сопровождавшие порождение инофонами из группы В1/В2 нарративного дискурса, использовались в их ожидаемой функции, а именно удержания (в случае стимула 1) и

Таблица 3 / Table 3

Распределение микрофункций жестов / Gesture micro functions distribution

Тип жеста	Группа В1/В2 (ТРКИ-2)		Группа С1/С2 (ТРКИ-3/4)	
	Стимул 1	Стимул 2	Стимул 1	Стимул 2
Дейктические:	9	25	19	14
указательные	3	14	5	9
касание	0	3	2	1
направление	6	8	12	4
Репрезентирующие:	73	34	58	12
удержание	63	11	43	4
«лепка» / придание формы	0	3	1	1
разыгрывание действий	4	5	7	5
олицетворение	6	12	5	1
очерчивание	0	3	2	1
Прагматические:	127	118	87	60
структурирование дискурса	0	0	0	0
репрезентация компонента дискурса	27	18	30	22
эмфатический	78	86	48	20
контактоустанавливающий	0	0	0	0
выражение отношения / оценки	6	0	4	3
отрицание	0	0	0	2
поиск слова	16	14	5	13
Адаптеры:	88	141	50	41
самоадаптеры	86	141	58	31
предметные адаптеры	2	0	0	10

Рис. 3 / Fig. 3. Репрезентирующий жест в функции удержания / Representational holding gesture

Рис. 4 / Fig. 4. Прагматический жест в эмфатической функции / Pragmatic emphatic gesture

Источник: фотографии 3 и 4 из личного архива авторов

олицетворения (в случае стимула 2). В то же время для мануального контроля над структурой речи испытуемые чаще прибегали к прагматическим жестам в функциях репрезентации компонента дискурса и эмфазы – для его акцентирования.

Хотя полученные нами данные в отношении репрезентирующих жестов не согласуются с результатами исследования [20], их реализация конкретно в микрофункции удержания, очевидно, демонстрирует мыслительный процесс испытуемого, связанный так или иначе с выстраиванием речевого потока. Например, мануальная конфигурация на рис. 3 иллюстрирует удержание участницей с помощью рук подобия чаши, сопровождающее реализацию четырёх ЭДЕ подряд с повторяющимся пространственным дейктиком *там в там... | я не знаю | по-моему там... | там*. Очевидно, в условиях коммуникативного дефицита наблюдаемая конфигурация помогает говорящей удержать фокус внимания на конструируемом событии из стимульно-го текста.

Обратимся также к случаю использования инофоном прагматического жеста

в эмфатической функции. Поскольку на изображении невозможно передать динамику движения, на рис. 4 продемонстрирован момент смены положения рук из состояния покоя в ударную фазу с *и он очень много раз прочит... а... читал*. Жест приходится на предикат *читал* как, предположительно, маркирующий коррекцию ранее допущенного речевого сбоя (*прочит... а...*). Таким образом, постулируемая в работе [20] корреляция между использованием метафорических жестов и отсутствием речевых сбоя снова не находит подтверждения на материале нашей выборки.

С ситуацией разрешения коммуникативной трудности связан ещё один тип жеста, а именно адаптер, который в подавляющем количестве проанализированных случаев был направлен на самого говорящего, т. е. выполнял функцию самоадаптера. Например, в полимодальной пробе на рис. 5 мы можем наблюдать мануальное движение в виде перебирания участницей пальцами, собранными в «замок», при порождении нарративного дискурса, отмеченного речевыми сбоями (*уш...*) и случаями вокализованной

хезитации (ээ... аа...) с в части написали | что... один мальчик ээ... нежданно уш... аа.. | ушёл из зала. Закономерно высокая частотность жестов-адаптеров при коммуникации на неродном языке, вероятно, свидетельствует о повышенном уровне когнитивной нагрузки вследствие менее автоматизированной речи (по сравнению с инофонами из группами С1/С2).

Ранее мы уже отмечали, что снижение жестикуляционной активности в группе С1/С2 может быть связано с более сформированной языковой компетенцией, о чем предварительно и свидетельствуют полученные результаты (см. табл. 3). В целом, разнообразие жестовых манифестаций в данной группе инофонов схоже с обобщенным жестовым профилем испытуемых из группы В1/В2. Сравнивая особенности жестового поведения в двух группах, мы можем наблюдать в последней увеличение доли прагматического жеста в функции репрезентации компонента дискурса. Вероятно, более автоматизированное речепорождение позволяет инофону, владеющему иностранным языком на продвинутом уровне, свободнее использовать разнородные семиотические ресурсы для достижения желаемого коммуникативного эффекта. На рис. 6 представлен случай использования прагматического жеста в функции репрезентации компонента дискурса с *однажды утром Митя | ааа... ну | ждал а... письма от своей подружки Катю*. Дополнительно поясним, что, поскольку говорящий неоднократно использовал данную мануальную конфигурацию, мы отметили жирным курсивом слова, произнесение которых сопровождалось наблюдаемым жестом, а именно вынесением левой открытой ладони немного вперед, к партнёру-собеседнику.

Отметим, что полученные профили жестовой активности инофонов по обеим группам показали низкую частотность использования дейктических жестов, что согласуется с результатами экспериментального исследования [9], тестирував-

шего жестовое поведение билингов в отношении указательных жестов. При этом считаем важным отметить, что в условиях естественной жестикуляции нередки случаи совмещения в мануальном движении нескольких функций, относящихся к разным типам жестов. Очевидно, необходимо учитывать данный фактор при проведении экспериментального исследования, делающего объектом своего анализа конкретно указательную жестикуляцию. Такой случай, например, продемонстрирован на рис. 7. Говоря о поезде, участница сначала иконически имитирует с помощью руки данное транспортное средство, а затем задаёт ему направление движения с помощью дейктического жеста с *и... потом... плавнее ехал*.

Анализ совместного использования отношений локальной структуры дискурса в речи с жестами в дискурсивных практиках участников группы В1/В2 показал, что чаще всего жесты употребляются с типом отношения Самоисправления (86%), Кода (86%), Антитеза (80%), Метадискурсив (79%), Оценка (71%), Переформулирование (67%), Повтор (65%), Объединение (64,5%). В меньшей степени жесты сопровождают такие типы отношений, как Последовательность (63%), Хезитация (61%), Интерпретация (60,5%), Согласие (50%). В группе С1/С2 чаще всего жесты сопровождают такие типы высказывания, как Кода (67%). В меньшей степени жесты используются с типами отношений Метадискурсив (49%), Оценка (46%), Интерпретация (46%), Развитие темы (45%), Повтор (40%), Цель (40%), Объединение (39%), Хезитация (38%). В целом определено, что жесты чаще сопровождают речь в группе В1/В2.

Рассмотрим некоторые примеры полимодальных дискурсивных практик участников группы В1/В2 (см. рис. 8-10). Так, одна из участниц (рис. 8), описывая действия героя прочитанного рассказа, использует репрезентирующий жест разыгрывания действия вместе с прагматическим эмфатическим жестом с ЭДЕ и он

Рис. 5 / Fig. 5. Жест-самоадаптер / Self-adapter

Рис. 6 / Fig. 6. Прагматический жест в функции репрезентации компонента дискурса / Pragmatic discourse representational gesture

Рис. 7 / Fig. 7. Дейктический жест направления и репрезентирующий жест олицетворения / Deictic directing gesture and representational embodiment gesture

Источник:

фото 5–8 из личного архива авторов

Рис. 8 / Fig. 8. Отношения Объединение, Интерпретация, Самоисправление с репрезентирующим жестом разыгрывания действия и прагматическим эмфатическим жестом / Joint, Interpretation and Self-correction with representational enactment gesture and pragmatic emphatic gesture

очень много раз прочит...а...читал, которая представляет собой сочетание таких типов отношения, как Объединение, Интерпретация, Самоисправление.

На рис. 9 тип отношения Объединение в *он увидел на столе конверт* сопровождается с помощью дейктического указательного жеста и репрезентирующего жеста олицетворения при «изображении» стола, который расположен в комнате главного героя. Тип отношение Развитие темы в *что здесь есть два человека* сопровождается дейктическими жестами (рис. 10).

Обратимся к некоторым примерам совместного использования отношений в речи и жестов у участников группы С1/С2. Так, в ЭДЕ *ну на улице шёл...сильный дождь,*

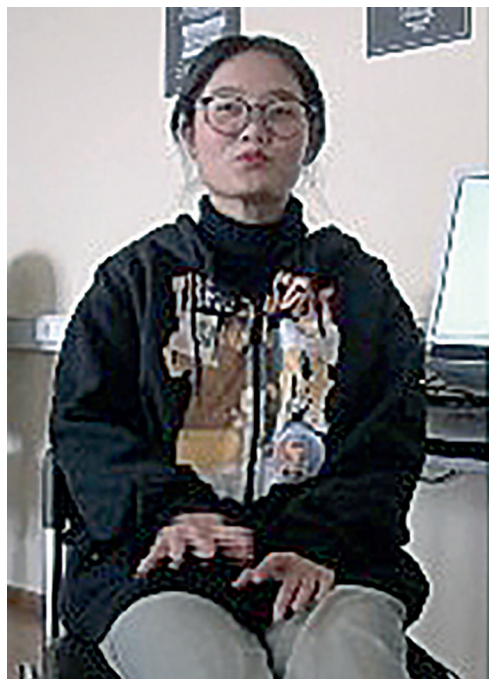

Рис. 9 / Fig. 9. Отношение Объединение с дейктическим указательным жестом и репрезентирующим жестом олицетворения / Joint with deictic pointing gesture and representational embodiment gesture

Рис. 10 / Fig. 10. Отношение Развитие темы с дейктическими указательными жестами / Elaboration with deictic pointing gestures

Источник:

фото 9 и 10 из личного архива авторов

реализующей отношения Метадискурсив (ну), Объединение (*на улице шёл сильный дождь*), Хезитация (*на улице шёл... сильный дождь*), сопровождается дейктическим указательным жестом и репрезентирующим жестом удержания (рис. 11).

ЭДЕ и проводник отводит её ко мне, представляющая отношения Объединения, используется в сочетании самоадаптера и дейктического указательного жеста (рис. 12). Сочетание отношений Метадискурсив (*как бы*), Хезитация (*а...*), Сеттинг (*а... в этом тексте как бы человек описывает маленькую ситуацию*) сопровождается репрезентирующим жестом удержания (рис. 13).

Таким образом, отмечаем ряд общих для обеих групп инофонов закономерностей в реализации полимодальных дискурсивных практик в локальной структуре дискурса: 1) частотное использование

жестов, выполняющих одновременно несколько микрофункций, чаще прагматических; 2) использование репрезентирующих жестов удержания и разыгрывания действия для воплощения компонентов ситуации или представляемых действий субъектов, что, очевидно, помогает говорящему конструировать ситуацию в случае затруднённого поиска способов языковой репрезентации ситуации (что было также обнаружено в ранее проведённом исследовании конструирования дескриптивного дискурса этими же инофонами [6]); 3) использование дейктических жестов как позволяющих говорящему при необходимости называть объекты ситуации, указывать на их местоположение или выделять эти объекты; в этом смысле дейктические жесты «прокладывают путь» к репрезентации объектов при конструировании ситуации.

Рис. 11 / Fig. 11. Отношения Метадискурсив, Объединение, Хезитация с репрезентирующим жестом удержания, дейктическим указательным жестом / Metadiscursive, Joint, Hesitation with representational holding gesture and deictic pointing gesture

Рис. 12 / Fig. 12. Отношение Объединение с самоадаптером и дейктическим указательным жестом направления / Joint with self-adapter and deictic pointing gesture

Рис. 13 / Fig. 13. Отношения Сеттинг, Метадискурсив, Хезитация с репрезентирующим жестом удержания / Setting, Metadiscursive, Hesitation with representational holding gesture

Источник: фото 11–13 из личного архива авторов

Полученные данные жестовой активности в условиях спонтанной монологической речи позволяют заключить, что в зависимости от уровня владения иностранным языком через мануальный канал: 1) компенсируется дефицит вербальных средств; 2) осуществляется контроль над речепорождением; 3) обеспечивается связность порождаемого дискурса. В дополнение к этому заметим, что обусловленность нарративного дискурса конкретно иконической репрезентацией не является закономерностью. Более того, использование репрезентирующих жестов в функции удержания, как мы уже увидели ранее, может способствовать структурированию дискурса, т. е. выполнять функцию, смежную с прагматическими жестами, отличаясь от последних меньшей степенью метафоризации. По сути, они могут в определённом смысле заменять и предметные адаптеры, когда инофону необходимо разгрузить психоэмоциональное состояние в ситуации стресса

удержанием воображаемого предмета. Очевидно, эта многофункциональность и является причиной исследовательского «перекоса» в сторону изучения преимущественно иконической репрезентации в коммуникативном поведении билингов.

Заключительные замечания

Проведённое исследование полимодального поведения изучающих русский язык как иностранный при пересказе нарративов позволило сформулировать ряд выводов, указывающих на особенности адаптации инофона к использованию полимодальных дискурсивных практик в «чужой» языковой культуре.

Во-первых, установлены общие закономерности в использовании полимодальных дискурсивных практик в нарративе двух групп (B1/B2 и C1/C2). В речи они проявляются в выборе нарративных отношений Начала и Коды, коммуникативных отношений Коммен-

тария, Вопросы и Экспрессива. В жестовом поведении сходство проявляется в превалировании прагматических жестов, однако, как показано в [15; 16] жесты данного типа в целом превалируют в полимодальном дискурсе носителя языка вне зависимости от типа дискурса. Сходной характеристикой использования отношений локальной структуры дискурса и жестов оказалось частотное сопровождение жестом нарративного отношения Коды. Также сходным является распределение некоторых микрофункций жестов, в частности, использование дейктических жестов указания и направления, репрезентирующих жестов удержания, прагматических жестов репрезентации компонента дискурса, эмфатических жестов и жестов поиска слова, а также жестов-самоадаптеров. При этом особо обратим внимание на достаточно высокое количество жестов поиска слова (среди прагматических жестов) у инофонов; возможно, оно является специфическим, что будет уточнено при анализе данных по иным типам дискурса – аргументатива, экспозитива и инструктива.

Во-вторых, на фоне наблюдаемых сходств в полимодальном поведении двух групп инофонов в нарративном дискурсе наблюдаем и определённые различия, которые можно объяснить разным уровнем языковой компетенции. Это замечание оказывается принципиально важным на фоне существующих на настоящий момент результатов, представляющих преимущественно различия в распределении союзов (союзных слов) и некоторых дискурсивных маркеров в речи инофонов разных групп [2]. В развитие результатов, описывающих проявление отдельных (в основном, риторических) отношений в речи инофонов разных групп [5], в работе установлено распределение всех четырёх типов отношений, что позволяет оценивать общий

уровень дискурсивной компетенции говорящего на русском языке как иностранном. Так, распределение отношений локальной структуры в нарративе демонстрирует превалирование в группе C1/C2 проявлений Метадискурсива, Развития темы, а в группе B1/B2 – проявлений Согласия, Хезитаций и Объединения. Отметим, что сходные данные были обнаружены при анализе дескриптивного дискурса [6], что свидетельствует об относительной стабильности в дискурсе инофона такого распределения. Далее это предположение будет верифицировано в других типах дискурса. Определена и дискурсивная специфика функциональных жестов, в частности, репрезентирующих и прагматических жестов, в т. ч. с учётом совместной реализации ими нескольких микрофункций. Были подтверждены некоторые особенности реализации дискурсивных практик, полученные в изучении иного типа дискурса (дескриптива), в первую очередь, в отношении частотного использования репрезентирующих жестов инофонами [6]. Результаты согласуются и с данными, полученными в [10; 11], в которых показан потенциал репрезентирующих жестов как способствующих конструированию последовательности действий при их воплощении. Последующее привлечение иных типов дискурса для изучения особенностей синхронизации речи и жестов позволит уточнить и детализировать эти данные.

В целом, обнаруженные закономерности могут быть использованы не только для изучения особенностей полимодального конструирования дискурса нарратива инофонами, но и для выработки рекомендаций для формирования процесса обучения инофонов дискурсивным компетенциям. Важное место могут найти полученные результаты и в области идентификации инофонов по их полимодальному поведению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И. Сохранение этнической и лингвистической идентичности: единство и противоречие // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 85–93. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-85-93.
2. Wetzel M., Zufferey S., Gygax P. Second language acquisition and the mastery of discourse connectives: Assessing the factors that hinder L2-learners from mastering French connectives // *Linguages*. 2020. Vol. 5. Iss. 3. Article 35. DOI: 3390/linguages5030035.
3. Кибрик А. А., Подлеская В. И. Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.
4. Литвиненко А. Л. Описание структуры дискурса в рамках теории риторической структуры: применение на русском материале (Describing discourse structure in terms of Rhetorical Structure Theory: Application to Russian material) // Труды международного семинара «Диалог 2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям (Аксаково, 11 июня 2001 – 13 июня 2001). Т. 1: Теоретические проблемы. М.: Наука, 2001. С. 159–168.
5. Yi E., Koenig J. P. Grammar modulates discourse expectations: evidence from casual relations in English and Korean // *Language and Cognition*. 2020. Vol. 13. Iss. 1. P. 99–127. DOI: 10.1017/langcog.2020.29.
6. Киосе М. И., Ржешевская А. А., Петров А. А. Локальная структура дискурса описания в речи взрослых, изучающих русский язык как иностранный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы 30-й международной онлайн-конференции «Диалог» (Москва, 23 апреля 2025 г.). Вып. 23. М.: Институт русского языка, 2025. С. 158–168. DOI: 10.28995/2075-7182-2025-23-158-168.
7. McNeill D. *Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thought*. Chicago: Chicago University Press, 1992. 416 p.
8. Goldin-Meadow S. *Hearing gesture: How our hands help us think*. Cambridge, USA: Harvard University Press, 2000. 304 p.
9. The role of pointing gestures and eye gaze in second language vocabulary learning / P. Janjić, G. Arıkan, H. B. Gudde, J. J. C. Murphy, L. Sivaram, K. R. Coventry // *Discourse Processes*. 2025. Vol. 62. Iss. 8–9. P. 673–691. DOI: 10.1080/0163853X.2024.2343625.
10. Macedonia M., Müller K., Friederici A. D. The impact of iconic gestures on foreign language word learning and its neural substrate // *Human Brain Mapping*. 2011. Vol. 32. Iss. 6. P. 982–998. DOI: 10.1002/hbm.21084.
11. García-Gámez A. B., Macizo P. Gestures as Scaffolding to Learn Vocabulary in a Foreign Language // *Brain Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 21. Article 1712. DOI: 10.3390/brainsci13121712.
12. Ирисханова О. К. Синхронный переводчик в полимодальном измерении: роль жестов в моменты «неперевода» // *Слово.ру: Балтийский акцент*. 2023. Т. 14. № 3. С. 40–51. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-3-3.
13. Ченки А. Самофокусировка и диалогичность жестикуляции в синхронном переводе (Self-focused versus dialogic features of gesturing during simultaneous interpreting) // *Russian Journal of Linguistics*. 2024. Т. 28. № 2. С. 227–242. DOI: 10.22363/2687-0088-34572.
14. Gallo F., Abutalebi J. The unique role of bilingualism among cognitive reserve-enhancing factors // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2024. Vol. 27. Iss. 2. P. 287–294. DOI: 10.1017/S1366728923000317.
15. Нечеткая референция в экспозиторном дискурсе: мультимодальные константы в речи и жестах (Vague reference in expository discourse: multimodal regularities of speech

- and gesture) / О. Ирисханова, М. Киосе, А. Леонтьева, О. Агафонова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы 29-й международной онлайн-конференции «Диалог» (Москва, 14–16 июня 2023 г.). Вып. 22. М.: РГГУ, 2023. С. 172–180. DOI: 10.28995/2075-7182-2023-22-172-180э.
16. Потехин В. О. Адаптация речевого и жестового поведения в условиях иммерсивной коммуникации: режимы взаимодействия «человек–человек» и «человек–компьютер» (Speech and gesture alignment in immersive communication: Human–Human vs. Human–Computer interaction) // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 2. С. 40–51. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-2-40-51.
17. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
18. Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: oral versions of personal experience // *Essays on the verbal and visual arts* / ed. J. Helm. Washington: University of Washington Press, 1967. P. 12–44.
19. Коротаев Н. А. Разметка случаев совместного построения в мультиканальном корпусе // *Когнитивные исследования языка*. 2022. № 4 (51). С. 393–397.
20. Ma Li, Martohardjono G., McClure W. The functional roles of lexical devices in second language learners' encoding of temporality: A study of Mandarin Chinese-speaking ESL learners // *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*. 2022. Vol. 60. Iss. 3. P. 563–597. DOI: 10.1515/iral-2018-0298.

REFERENCES

1. Khukhuni, G. T. & Valuitseva, I. I. (2023). The preservation of the ethnic and linguistic identity: unity and contradiction. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 3, 85–93. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-85-93 (in Russ.).
2. Wetzel, M., Zufferey, S. & Gygax, P. (2020). Second language acquisition and the mastery of discourse connectives: Assessing the factors that hinder L2-learners from mastering French connectives. In: *Languages*, 5 (3), article 35. DOI: 3390/languages5030035.
3. Kibrik, A. A. & Podlesskaya, V. I. (2009). *Dream Stories: A Corpus-Based Study of Oral Russian Discourse*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur publ. (in Russ.).
4. Litvinenko, A. L. Describing discourse structure in terms of Rhetorical Structure Theory: Application to Russian material. In: *Proceedings of the International Seminar "Dialogue 2001" on Computational Linguistics and its Applications (Aksakovo, June 11, 2001 – June 13, 2001)*. Vol. 1. Moscow: Nauka publ., pp. 159–168 (in Russ.).
5. Yi, E. & Koenig, J. P. (2020). Grammar modulates discourse expectations: evidence from casual relations in English and Korean. In: *Language and Cognition*, 13 (1), 99–127. DOI: 10.1017/langcog.2020.29.
6. Kiose, M. I., Rzheshhevskaya, A. A. & Petrov, A. A. (2025). Local structure of descriptive discourse in the speech of adult learners of Russian as a foreign language. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (Moscow, April 23, 2025)*. Iss. 23. Moscow: Institute of Russian Language publ., pp. 158–168. DOI: 10.28995/2075-7182-2025-23-158-168 (in Russ.).
7. McNeill D. (1992). *Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thought*. Chicago: Chicago University Press.
8. Goldin-Meadow, S. (2000). *Hearing gesture: How our hands help us think*. Cambridge, USA: Harvard University Press.
9. Janjić, P., Arikan, G., Gudde, H. B., Murphy, S. J. J., Sivaram, L. & Coventry, K. R (2025). The role of pointing gestures and eye gaze in second language vocabulary learning. In: *Discourse Processes*, 62 (8–9). 673–691. DOI: 10.1080/0163853X.2024.2343625.

10. Macedonia, M., Müller, K. & Friederici, A. D. (2011). The impact of iconic gestures on foreign language word learning and its neural substrate. In: *Human Brain Mapping*, 32 (6), 982–998. DOI: 10.1002/hbm.21084 (in Russ.).
11. García-Gámez, A. B. & Macizo, P. (2023). Gestures as Scaffolding to Learn Vocabulary in a Foreign Language. In: *Brain Sciences*, 13 (21), article 1712. DOI: 10.3390/brainsci13121712.
12. Iriskhanova, O. K. (2023). Simultaneous interpreter in multimodal dimension: the role of gestures in moments of non-interpretation. In: *Slovo.ru: Baltic accent*, 14 (3), 40–51. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-3-3 (in Russ.).
13. Cienki, A. (2024). Self-focused versus dialogic features of gesturing during simultaneous interpreting. In: *Russian Journal of Linguistics*, 28 (2), 227–242. DOI: 10.22363/2687-0088-34572.
14. Gallo, F. & Abutalebi, J. (2024). The unique role of bilingualism among cognitive reserve-enhancing factors. In: *Bilingualism: Language and Cognition*, 27 (2), 287–294. DOI: 10.1017/S1366728923000317.
15. Iriskhanova, O., Kiose, M., Leonteva, A. & Agafonova, O. (2023). Vague reference in expository discourse: multimodal regularities of speech and gesture. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (Moscow, June 14–16, 2023)*. Iss. 22. Moscow: Russian State University for the Humanities, pp. 172–180. DOI: 10.28995/2075-7182-2023-22-172-180 (in Russ.).
16. Potekhin, V. O. (2024). Speech and gesture alignment in immersive communication: Human-Human vs. Human-Computer interaction. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2, 40–51. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-2-40-51.
17. Schmid, V. (2003). *Narratology*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur publ. (in Russ.).
18. Labov, W. & Waletzky, J. (1967). Narrative analysis: oral versions of personal experience. In: Helm, J. (ed.). *Essays on the verbal and visual arts*. Washington: University of Washington Press, pp. 12–44.
19. Korotaev, N. A. (2022). Annotating co-construction in a multichannel corpus. In: *Cognitive Studies of Language*, 4 (51), 393–397 (in Russ.).
20. Ma, Li, Martohardjono, G. & McClure, W. (2022). The functional roles of lexical devices in second language learners’ encoding of temporality: A study of Mandarin Chinese-speaking ESL learners. In: *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 60 (3), 563–597. DOI: 10.1515/iral-2018-0298 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Киосе Мария Ивановна (г. Москва) – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета; ведущий научный сотрудник Лаборатории мультимедиа коммуникации Института языкознания Российской академии наук;
<https://orcid.org/0000-0001-7215-0604>; e-mail: maria_kiose@mail.ru

Ржешевская Анастасия Алексеевна (г. Москва) – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета;
<https://orcid.org/0000-0002-5569-3882>; e-mail: arlen_nastya@rambler.ru

Потехин Вадим Олегович (г. Москва) – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета;
<https://orcid.org/0009-0003-2370-5097>; e-mail: pth.vadim@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria I. Kiose (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Chief Researcher, Centre of Sociocognitive Discourse Studies, Moscow State Linguistic University; Leading Researcher, Laboratory of Multichannel Communication, Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences;
<https://orcid.org/0000-0001-7215-0604>; e-mail: maria_kiose@mail.ru

Anastasiya A. Rzheshhevskaya (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher, Centre of Sociocognitive Discourse Studies, Moscow State Linguistic University;
<https://orcid.org/0000-0002-5569-3882>; e-mail: arlen_nastya@rambler.ru

Vadim O. Potekhin (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Centre of Sociocognitive Discourse Studies, Moscow State Linguistic University;
<https://orcid.org/0009-0003-2370-5097>; e-mail: pth.vadim@gmail.com